

ской поэзии — рассказывает здесь, как писатели разных стран, и советские — в качестве гостеприимных хозяев, — целым караваном путешествовали по пушкинским местам: Псков, Михайловское, Ленинград. И в этом путешествии то в разговоре с соседом по машине, по автобусу, по вагонному купе, то в застольной беседе, во взаимном чтении стихов, в песнях, в шутках узнавание переходило в дружбу, в привязанность, в братскую любовь. И расставаться уже стало нелегко. И теперь разлука точно окутывает все дымком тоски.

Рассказ этот вроде совсем непритязательный. Несколько отрывочный. В нем больше душевности, чем наблюдений или размышлений. Но в каждой строчке здесь неизменно поэтическая сгущенность настроения, неизменно тяга к людям. Точно так же, как и в стихах. Тяга, в которой и доброта, и память, и твердость убеждений, и нежность человека, стесняющегося громкости слов, и склонность уравновесить шуткой энергию своих чувств.

ИДА РАДВОЛИНА

К БОЛЬШЕМУ НЕБУ

John Wain. A Winter in the Hills.
London, Macmillan, 1970.

Английский ученый средних лет внезапно бросает лабораторию и семью, привычный — внешне вполне благополучный — уклад жизни и прячется на одном из больших лондонских вокзалов. Прилив и отлив совершенно анонимных толп здесь его успокаивает.

Безумец Джири или бунтарь? На этот вопрос в маленькой повести Уэйна «Меньшее небо», вышедшей три года назад, нет прямого ответа. Джири гибнет, пытаюсь спастись от преследующих его «нормальных» людей. Очевидная добыча психиатрической больницы, он к тому же источник сенсации, а потому и прибыльного бизнеса. Вступив на стекло вокзального свода, он рушится вниз на железнодорожные пути, так и не дотянувшись до открывшегося ему огромного свода небес — «большого неба».

Написанная с предельным лаконизмом, повесть Уэйна волнует своим опущенным глубоко «под воду» трагическим подтекстом. Смысл этого подтекста угадывается легко: Джири должен погибнуть, потому что идет по «стеклу одиночества».

Когда читаешь новую книгу Уэйна «Зима в горах» первый раз, ничто даже отдаленно не напоминает трагическую повесть о безумном Джири. Совсем иные герои, иное место действия, иной музыкальный ключ. Впрочем, всякий, знающий Уэйна, привык уже к тому, что каждая книга этого незаурядного писателя — большая неожиданность. Чаше радующая и обогащающая («Соперники», 1958; «Убий отца», 1962; «Меньшее небо», 1967), а порой очень досадная (достаточно вспомнить «Молодых гостей» 1965 года, роман, сотканный из дешевых клише). Но та-

ков уж Уэйн — его творческий путь напоминает качание маятника, что не мешает ему все же быть «одним из крупнейших прозаиков Великобритании», как справедливо заметил однажды Боб Лисон, литературный обозреватель «Морнинг стар».

И вот перечитываешь «Зиму в горах» — книга настолько интересна, что испытываешь желание еще раз над нею подумать, — и делаешь открытие: Уэйн в чем-то очень важным, а может быть даже самым важным, продолжает здесь «Меньшее небо». И дает ответы на те вопросы, которые остались там без ответа. Маленький психологический этюд представляет как бы увертюру к большой полисимфонии «Зимы в горах».

Если пользоваться термином «герой произведения» в его привычном смысле, подразумеваемая главное действующее лицо повествования, то герой романа — молодой еще ученый-лингвист Роджер Фернивал. Он решает провести академический отпуск у подножия горного хребта северного Уэльса, с тем чтобы изучить один из древнейших языков Европы — валлийский. Его личная жизнь неурочна: в сорок лет Роджер еще не женат, у него нет ни родных, ни близких, ни дома.

Книга начинается с похорон: лучшие годы Роджера были отданы уходу за неизлечимо больным братом, пострадавшим во время одной из бомбежек Лондона в годы второй мировой войны. Теперь, когда брата не стало, можно подумать о себе.

В Кэрфеней — маленький приморский городок, окруженный кольцом суровых и сумрачных валлийских гор, — Роджера забрасывает случай. Случай же сводит его и с владельцем небольшого автобуса Гаретом, ведущим упрямую, обреченную на конечное поражение борьбу с богачом и хищником Шарпом, скупающим весь местный транспорт, принадлежащий мелким владельцам.

Портрет Гарета — одна из больших удач Уэйна-художника, как и портрет его слепой матери, столь же стойкой, как сын; такая же удача — описание их жилища в горах, скорей лачуги, чем дома, безупречно опрятного и такого же гордого в своей чистоте, как горды живущие в них свободолюбивые бедняки. Ключ к психологии Гарета, уважаемого всем поселком человека, у которого учатся выдержке и стойкости, спрятан в эпизоде из раннего детства, рассказанном от лица самого Гарета. Его учил мужеству отец — коренной валлиец и всегда независимый труженик, учили потом годы, полные лишений и борьбы. В автобусе для Гарета был заключен весь смысл жизни. Он любит его как живое существо. К тому же утрата автобуса означает для него и матери нищету.

Уэйн не объясняет, почему лондонский «интеллектуал» решает остаться в Кэрфеней на неопределенный срок, предложив Гарету безвозмездно работать у него кондуктором. Но это объяснение приходит ближе к концу книги, когда одинокий, замкнутый в себе молодой интеллигент, ввязавшись в

СРЕДИ КНИГ

справедливую борьбу, находит себя и преодолевает свое гнетущее одиночество. Эпизод его любви к Дженни — жене журналиста Туайфорда — по сравнению с историей этой борьбы бледен и менее убедителен.

Неторопливо показывает Уэйн Кэрфенай, горы Северного валлийского хребта, разбросанные среди них поселки и спрятанные от глаз копи. Постепенно и не спеша знакомит он с местными жителями, неразговорчивыми и сумрачными, с англичанами, экспансивными и великодушными по отношению друг к другу и к своим.

Медленно и неторопливо раскрывает Уэйн характеры людей, вынужденных терпеть присутствие «этих англичан». Он показывает, с каким трудом простые люди Уэльса сдерживают раздражение против англичан, по-хозяйски расположившихся на их земле. Раздражение иногда ощущается не только в словах и поступках, но даже в жестах и произнесенных словах.

Ненависть тлеет в каждом из потомков древних кельтов, превыше всего любящих свою независимость. Достаточно крохотной искры, чтобы она загорелась пламенем большого пожара, пустяковой ссоры, чтобы она выросла в принципиальный конфликт.

Когда Фернивал — он начал лучше понимать язык, на котором говорят между собой друзья Гарета, — обращается к ним по-валлийски, они отвечают ему... по-английски. Они оживленно говорят о каком-то волнующем всех событии, попытка его вступить в беседу или задать вопрос всеми игнорируется.

«Мы здесь не колония!» — возбужденно кричит Марио в день национального праздника святого Дэвида. «Сегодня никто здесь не будет говорить по-английски. Мы готовимся к тому дню, когда сбросим наконец англичан». «Англичане даже не хотят задуматься над теми несправедливостями, которые повсюду творят», — говорит местный бард Мадог, автор иносказательной поэмы об обездоленных индейцах. Все в Кэрфенае отлично понимают, что, поддерживая Гарета в его неравной борьбе против Шарпа, они поддерживают слабую сторону, но их девиз, иногда высказываемый вслух: «Если предстоит национализация — пусть будет, но лучше Кардиф, чем Лондон». И лучше национализация, чем грабеж «акулы».

«Если его автобус купят люди из Кардифа, то он станет управляющим и будет по-новому делать прежнее дело. А если машину купят из Лондона, над ним поставят англичанина, а он будет подметать пол в гараже», — объясняет Мадог точку зрения друзей Гарета. Объясняет он ему и смысл своей поэмы о племени чероков, согнанных с их исконных земель: «Вам не понятно, что сделали англичане валлийцам, что оправдало бы сопоставление? Извольте: великодержавие. Внутренняя экспроприация... Взрывали долины Южного Уэльса и рыли там шахты, превращая население в троглодитов, извлекали огромное богатство из валлийской земли, а Уэльсу не возвращали назад ни одного пенни».

По мере чтения книги начинаешь пони-

мать, что подлинными героями романа — Кэрфенай и его люди. Роджер становится одним из них лишь в той мере, в какой «ввязывается» в происходящую в городе и его окрестностях очень сложную борьбу. В поле зрения автора — разные валлийцы и разные англичане; те, что делают конструктивное дело, люди труда, и те, что присваивают плоды этого труда, пользуясь правом сильного.

Вместе с Гаретом, Айво, Джито, Мадогом дерутся Роджер и любимая им женщина, Дженни Туайфорд, а вместе с Диком Шарпом, валлийцем, предавшим своих, — такие англичане, как Дональд Фишер, продающий перо журналиста тому, кто больше платит.

Сегодня, когда Северная Ирландия стала ареной острейшей борьбы, резко обозначились национальные противоречия и в других районах Британии. Особенно остры они издавна в Уэльсе. Никогда национальная гордость валлийцев не была столь ранимой, никогда английское владычество не тяготило столь ощутимо, как в последние годы. Уэйн взялся за остроактуальную тему.

Весной 1970 года, когда роман был в верстке, автор шутил: «Я написал о валлийцах, потому что жена моя валлийка — а Welsh girl!» Когда же он заговорил о романе всерьез, то сказал по-другому: «Я давно хотел написать настоящий социальный роман. «Зима в горах» — опыт такого романа». И опыт, надо сказать, удался.

Как ни различны характеры Айво и Джито, разоренных Шарпом (один экспансивен и эмоционален, обладает богатыми способностями рассказчика и мима, другой более сдержан и замкнут), — в обоих ощущается огромная сила товарищества, способность прийти на помощь в беде, поддержать и оказать помощь тому, кого настигает несправедливость. Оба вначале упрямо закрываются от Роджера: он для них человек привилегированной профессии, да к тому же, к несчастью, англичанин. Порой недоверие прорывается наружу. «Нечего шпионить за нами, а потом стряпать на нас статейки в лондонские газеты», — отрезает Айво. Род-

**JOHN
SWAIN**
A WINTER
IN THE HILLS

жеру нелегко сломать вежливую враждебность почти всех обитателей Кэрфена — упрямую и неподатливую, как горная порода валлийского хребта.

Английские рецензенты, которым новый роман Уэйна пришелся не по душе, пытались обвинить автора в том, что поступки его персонажей психологически немотивированы. На самом же деле Уэйн блестяще показывает, как и почему меняются люди, как происходит смена их отношения к Роджеру. Проходит время, и единоборство Гарета и Шарпа идет уже не на жизнь, а на смерть: упрямый владелец автобуса мешая Шарпу осуществить аферу и получить большой куш. Циничный делец все меньше стесняется в средствах. И вот когда на карту ставится жизнь и Гарета и Роджера, стена недоверия рушится, отношение к нему валлийцев меняется.

В «Зиме в горах» есть несколько смешных эпизодов: неудачный пикник Роджера в горах, крестовый поход английской вдовы миссис Аркрайт против мусорщика. Но их немного, как, впрочем, и во всех последних книгах Уэйна. Есть в романе тонкие лирические раздумья, порой проникновенные внутренние монологи. Хороши описания валлийского ландшафта, темно-синих гор, крутых дорог и дорожек, кроваво-красного заката, старых копров, охраняющих убогие лачуги от злых духов ночи... Видишь и ощущаешь краски различных времен года — осени, зимы, — часов дня, особенно сумерек и рассвета. Но мастерство автора особенно очевидно, когда Уэйн рисует людей, их различные судьбы и различные характеры. За последние десять лет Уэйн прошел большой путь — путь неровный и пестрый. Менялись не только его манера и художественный почерк прозаика и поэта: пять лет назад писатель отметил свое сорокалетие и уже тогда следа не осталось от той анархической «рассерженности», которая владела им в середине 50-х годов. Но пришла рассерженность другая — более зрелая и целенаправленная, как у Роджера Фернивала, «ввязавшегося» в борьбу Гарета, Айво, Джито и Мадога — валлийских патриотов.

«Воспитание» Роджера происходит не сразу, оно начинается тогда, когда столичный интеллигент внезапно ощущает отвращение к той комфортабельной гостинице, в которой он остановился. «Настоящая жизнь была не здесь... Во всяком случае, гостиница с ее буржуазным комфортом, ее претенциозным и пресным столом, трескотней и суетой, была тривиальна. Настоящим был Гарет с его автобусом. Именно здесь можно было искать скрытый потенциал трагического».

Щемящая тоска, неудовлетворенность и одиночество отступают, когда Роджер входит в «настоящую жизнь». Постепенно рождаются новые настроения — острое счастье признания товарищами. Когда нанятые Шарпом убийцы подло пытаются разделаться с Роджером, он испытывает только негодование. Позднее он вспоминает этот эпизод как счастливый случай, который привел к его принятию в круг товарищей. «Те, что ненавидели Шарпа, полюбили теперь Фернивала.

А чтобы быть так любимым, стоит быть предметом ненависти». Товарищество, не испытанное прежде никогда, ощущается острее, чем любовь Дженни. Недаром оно и рисуется в значительно более теплых красках.

Следующая стадия «воспитания» Роджера — новое понимание радости борьбы, «боевого духа» — «лучшего, что у нас есть в жизни».

Впервые в творческой биографии Уэйна в романе «Зима в горах» появляется попытка сформулировать положительную программу.

Сначала, споря с Марио о гомруле, о том, кто должен управлять Уэльсом, Роджер говорит: «Я хочу, чтобы люди были всюду свободными, равными и великодушными». Гомрул для него — «искусственная проблема». Настоящая — «преодоление жестокости, жадности, произвола, власти богатых, которые в любую минуту могут прижать бедняка к стене...»

Столкнувшись на деле со всем этим злом, Роджер, уже в финале романа, объясняет своей любимой существо того, что он понял в Кэрфенае: все дело в пропасти, разделяющей таких людей, как ее муж, Туайфорд и Дик Шарп, — и простых неимущих валлийцев, с другой стороны. Это люди, которые «выполняют свое дело. Они не манипулируют, не ловчат, не заставляют, взобравшись наверх, работать на себя тех, которые внизу. Они работают и не боятся пота и грязных рук».

Если все это понял Роджер, то понял и автор книги, так как, на чьей стороне симпатии его в романе, совершенно очевидно. Автор «Зимы в горах» разделяет гнев и убеждения нарисованного им английского интеллигента. Его новый роман лишен грусти, столь острой в предыдущем. И, мне думается, потому, что писавший его нашел выход к большему небу. И прежде всего на путях преодоления одиночества. Именно в этом смысле «Зима в горах» может рассматриваться как разрешение трагического конфликта «Меньшего неба».

В. ИВАШЕВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ СИ МОХАНДА

Mouloud Mammeri. Les isefra, poèmes de Si Mohand-ou-Mhand. Texte berbère et traduction française. Paris, François Maspero, 1969.

Мулуд Маммери выпустил новую книгу — собрание сочинений и исследование творчества большого поэта Алжира — кабийского барда Си Моханда.

Устное творчество Си Моханда было лишь однажды записано при его жизни, в конце прошлого века, алжирским ученым Саидом Булифой. В 1904 году он опубликовал «Сборник кабийской поэзии», куда вошли сделанные в латинской транскрип-

СРЕДИ КНИГ